

A detailed illustration of a futuristic city. The city is built on a mountainous landscape with a river and several bridges. The buildings are tall, dark, and highly technological, with many windows and intricate details. A large, circular structure is visible in the sky. In the foreground, a person with long hair, wearing a brown jacket and a backpack, is seen from behind, looking out over the city. The sky is blue with some clouds.

Сергей Патрушев

Будущее человечества

Сергей Патрушев
Будущее человечества

«Автор»

2026

Патрушев С.

Будущее человечества / С. Патрушев — «Автор», 2026

Роман прослеживает судьбы нескольких поколений на фоне глобального кризиса цивилизации. Историк Анна получает задание от Центра управления будущим: найти «четвертый сценарий» развития человечества, который не просчитали алгоритмы, предрекающие либо тотальный контроль, либо деградацию, либо элитарную космическую экспансию. Вместе с командой единомышленников она отправляется в путешествие по миру, где обнаруживает удивительные сообщества людей, отказавшихся жить по правилам умирающей цивилизации. В Патагонии, в подземных садах Австралии, в ледяных домах Аляски, в пустыне Калахари, в джунглях Индии и в тибетских монастырях Анна находит не просто выживающих, а людей, создавших иную реальность — основанную на гармонии с природой, взаимопомощи и вере. Личный выбор каждого становится частью общего будущего, как любовь и память оказываются сильнее технологий, и как одна семья, проходя через десятилетия, сохраняет надежду и передает ее следующим поколениям.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Точка невозврата	5
Глава 2. Архив живых голосов	8
Глава 3. Команда на краю	12
Глава 4. Белая тишина	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Сергей Патрушев

Будущее человечества

Глава 1. Точка невозврата

Анна смотрела на океан. Вода была неестественно спокойной, будто замерла в ожидании. Тридцать семь лет она прожила на этой планете, и каждый год приносил новые доказательства того, что мир меняется быстрее, чем люди успевают к этому привыкнуть. Она стояла на краю пирса в том самом месте, где когда-то, по рассказам отца, шумел рыбный порт. Теперь здесь был лишь пустынный бетон, уходящий в воду, которая поднялась настолько, что затопила первые этажи зданий вдоль набережной.

В кармане завибрировал коммуникатор. Анна знала, что это сообщение от Центра, подтверждение её назначения. Она не испытывала гордости или страха, только странное опустошение, которое преследовало её последние месяцы. С того самого дня, когда они с Марком последний раз говорили о детях, о будущем, о том, стоит ли приводить новую жизнь в мир, который, возможно, не доживёт до её совершеннолетия.

Она отправилась в Центр управления будущим пешком, хотя могла бы вызвать такси. Ей нужно было время, чтобы собраться с мыслями. Город изменился до неузнаваемости за последние два десятилетия. Вертикальные фермы поднимались на месте снесённых кварталов, их прозрачные стены позволяли видеть бесконечные ряды зелени, растущей в питательном растворе. Солнечные панели покрывали каждую горизонтальную поверхность, а под землёй гудели поезда на магнитной подушке, соединяющие мегаполисы в единую сеть.

Люди на улицах выглядели почти как всегда, если не присматриваться. Но Анна умела присматриваться. Она замечала лёгкое свечение контактных линз у прохожего, который явно получал информацию прямо в поле зрения. Видела женщину, чья сумка была напечатана на биопринтере из переработанных водорослей – об этом говорил характерный голубоватый отлив материала. Дети играли в дополненной реальности, их движения были скоординированы с невидимыми объектами, а смех звучал так же звонко, как и сто лет назад, когда игры были совсем другими.

Центр управления будущим располагался в здании бывшего университета, перестроенном и углублённом под землю. Анна прошла сканирование сетчатки, сдала образец воздуха из лёгких для анализа биомаркеров и только после этого спустилась в операционный зал. Огромное помещение напоминало скорее театр, чем офис. Десятки голографических экранов проецировали данные в воздух, люди в белых костюмах перемещались между потоками информации, внося коррективы в модели будущего.

Директор Глобального совета по планированию встретил её в центре зала. Высокий, седой, с глазами человека, который видел слишком много вариантов развития событий, чтобы удивляться чему-либо.

- Анна, – сказал он, протягивая руку. – Вы знаете, почему вас пригласили?
- Предполагаю, что это связано с проектом "Наследие", – ответила она.

– Не совсем. Проект "Наследие" – это сохранение того, что мы имеем. Нам нужно нечто иное. Нам нужно создание того, чего у нас никогда не было.

Он взмахнул рукой, и перед ними развернулась трёхмерная карта мира. Красные точки горели на всех континентах, некоторые пульсировали, некоторые мерцали ровным светом.

– Конфликты за ресурсы, – пояснил директор. – Вода, энергия, редкоземельные металлы. Каждая красная точка – это потенциальная война. Мы предотвращаем их с помощью прогностических моделей и превентивных мер, но ресурсов становится меньше, а населения, несмотря на все ограничения, всё ещё слишком много. Искусственный интеллект рассчитал три возможных сценария развития человечества на ближайшие сто лет.

Сценарии появились перед Анной, как три параллельные реальности. В первом – человечество объединялось в единую систему, управляемую общим разумом, гибридом человека и машины. Люди отказывались от индивидуальности ради выживания вида. Во втором – происходил распад на изолированные сообщества, возврат к технологиям прошлого, потеря большей части знаний. Третий сценарий показывал экспансию в космос, создание поселений на других планетах, но ценой колоссального расслоения – лишь избранные получали билет в будущее.

– Мы находимся в точке невозврата, – продолжил директор. – Через десять лет любые изменения будут уже невозможны. Система стабилизируется в одном из этих состояний. Наша задача – выбрать направление и начать движение.

Аня молчала, вглядываясь в пульсирующие линии графиков, прогнозы климатических изменений, демографические волны, накладывающиеся друг на друга, создавая причудливые узоры возможностей.

– Почему я? – спросила она наконец. – Я историк, а не футуролог.

– Именно поэтому. Футурологи слишком долго смотрели вперёд и перестали видеть назад. А история, Анна, это единственное зеркало, в котором мы можем увидеть своё будущее. Вы изучали цивилизации, которые исчезли, и те, которые выжили. Вы знаете, какие решения оказывались роковыми, а какие спасительными. Нам нужен не прогноз, нам нужен взгляд со стороны, из прошлого.

Она вспомнила свою последнюю экспедицию, раскопки древнего города, погребённого под песками пустыни, которая когда-то была цветущей равниной. Люди, жившие там, тоже стояли перед выбором, но выбрали неверный путь. Или выбрали верный, но слишком поздно. Кости не рассказывают всей истории.

– У меня есть условия, – сказала Анна.

– Называйте.

– Я хочу видеть все данные. Без фильтров, без редакции. И я хочу говорить с реальными людьми, не только с аналитическими отчётами.

Директор улыбнулся впервые за всю их встречу.

– Именно этого мы от вас и ждали. Рабочее место готово, доступ к базам данных открыт. Команда будет сформирована по вашему выбору. Время, Анна, время – вот чего у нас нет.

Она покинула Центр уже затемно. Искусственное освещение города создавало свой собственный день, не зависящий от солнца. Над головой, сквозь прозрачный купол защитного поля, были видны звёзды. Или не звёзды – Анна никогда не могла отличить настоящие светила от орбитальных станций и спутников связи, заполнивших околоземное пространство.

Дома её ждало сообщение от Марка. Короткое, как всегда в последнее время. "Надеюсь, ты приняла правильное решение. Я буду в Антарктиде следующие полгода, на станции генетического банка. Если захочешь поговорить – синхронизируемся через спутник. Задержка будет около секунды".

Секунда задержки между ними, подумала Анна. Раньше было мгновение. Теперь секунда. А скоро, возможно, будет минута, час, год. Расстояние между людьми растёт быстрее, чем технологии успевают его сокращать.

Она подошла к окну, которое могло стать прозрачным или непрозрачным по желанию. Сейчас Анна хотела видеть ночь. Вдали, на горизонте, мигали огни гигантских строительных платформ – там возводили новую линию защиты от поднимающегося моря. Люди боролись с планетой, которая перестала быть домом и превратилась в вызов.

В её сне в ту ночь не было ни прошлого, ни будущего. Только бескрайнее море, совершенно спокойное, и она одна на пирсе, смотрящая в воду, в которой отражалось небо, полное звёзд. И тишина, такая полная, что слышно было, как бьётся сердце планеты глубоко под корой.

Проснулась Анна за минуту до сигнала будильника. Так было всегда, сколько она себя помнила. Тело знало время лучше любых часов. Она села на кровати, глядя на серый рассвет за окном, и впервые за многие месяцы почувствовала не опустошение, а холодную решимость. Выбор всё равно будет сделан, кем-то другим, под влиянием случайностей или обстоятельств. Но может быть, если взглядеться достаточно пристально в прошлое, можно разглядеть в нём контуры единственно верного пути.

Она включила терминал, и перед ней открылся доступ к архивам человечества. Вся история, все знания, все ошибки и прозрения – в несколько терабайт данных, доступных одному прикосновению. Анна начала читать не с начала, а с конца, с того момента, когда человечество впервые осознало, что будущее перестало быть продолжением прошлого и превратилось в нечто совершенно иное.

Внизу, на улицах просыпающегося города, первые лучи солнца коснулись верхушек вертикальных ферм, и автоматические системы начали полив, распределение питательных веществ, корректировку спектра освещения. Город дышал, жил, готовился к новому дню. А в тридцати метрах под землёй, в тишине аналитического центра, тысячи процессоров уже просчитывали вероятности, пытались угадать, какой из сценариев станет реальностью.

Анна знала теперь, что реальность не угадывают – её создают. Каждым решением, каждым выбором, каждой секундой бездействия. И где-то в Антарктиде, среди вечных льдов, хранящих генетический код всего живого, Марк тоже делал свой выбор. Они всё ещё были вместе, даже через секунду задержки, даже через океаны и континенты. Вопрос был в том, останутся ли они вместе, когда выбор будет сделан окончательно, и будущее, каким бы оно ни было, станет настоящим.

Глава 2. Архив живых голосов

Первые три дня Анна провела в полном погружении в данные. Она спала урывками, прямо за рабочим столом, просыпаясь от того, что голографические экраны начинали расплываться перед глазами, а цифры складывались в бессмысленные узоры. Кофе, синтезированный из переработанного воздуха и минеральных добавок, имел привкус металла, но она почти не замечала этого.

На четвёртый день она поняла, что данные лгут. Не намеренно, конечно, но неизбежно. Архивы содержали информацию о том, что случилось, но не о том, что чувствовали люди, когда это случалось. Цифры показывали миграционные потоки, но не передавали запаха чужих городов, в которых приходилось начинать жизнь заново. Статистика рождаемости фиксировала снижение, но молчала о пустоте в глазах женщин, отказывающихся приводить детей в мир, где будущее стало привилегией, а не правом.

Анна запросила доступ к "Архиву живых голосов" – проекту, начатому пятьдесят лет назад, когда кто-то догадался, что воспоминания обычных людей важнее отчётов правительств. Ей отказали. Трижды она отправляла запрос, трижды получала вежливый отказ с формулировкой "недостаточно высокий уровень допуска". На четвёртый раз она просто вошла в кабинет директора без стука и предупреждения.

Он сидел за столом, изучая какие-то схемы, и даже не удивился её появлению.

– Я знал, что вы придёте, – сказал он, не поднимая головы. – Вопрос только, на какой день.

– Мне нужен доступ к архиву, – Анна старалась говорить спокойно, но голос предательски дрожал. – Вы сказали, что я получу все данные. Вы обещали.

Директор наконец поднял глаза. В них не было ни злости, ни раздражения – только усталость, такая глубокая, что Анна на мгновение забыла о своём гневе.

– Я обещал данные, Анна. Архив живых голосов – это не данные. Это рана. И я не уверен, что вы готовы в неё смотреть.

– Я историк. Я смотрела в такие раны, которые вам и не снились. Я держала в руках черепа детей, умерших от голода тысячу лет назад. Я читала письма солдат, написанные за час до смерти. Не нужно меня беречь.

Директор молчал долго, так долго, что Анна уже решила, что разговор окончен. Потом он коснулся своего запястья, и в воздухе между ними появился голографический ключ – сложный узор из света и теней, который пульсировал в такт его сердцебиению.

– Этот ключ откроет вам доступ. Но предупреждаю: то, что вы там найдёте, не похоже ни на один архив в мире. Потому что эти люди не знали, что их записывают. Они думали, что говорят на исповеди, или дневнику, или просто сами с собой. Это не интервью. Это души.

Анна взяла ключ, чувствуя его тепло на своей ладони, хотя знала, что тепло это лишь иллюзия, созданная тактильными сенсорами.

– И ещё, – добавил директор, когда она уже была в дверях. – Если услышите голос, который покажется вам знакомым... не удивляйтесь. Мы все там есть.

Архив располагался глубоко под землёй, в бункере, построенном ещё в те времена, когда люди боялись ядерной войны больше, чем климата. Анна спускалась в лифте почти пять минут, и каждый этаж, промелькнувший за прозрачной стеной, напоминал слои археологического раскопа – чем глубже, тем старше. На самом дне её ждал зал, которого не было ни в одном официальном реестре здания.

Внутри было тихо. Не той искусственной тишиной звукоизоляции, а абсолютной, первозданной пустотой звука. Анна села в кресло, надев нейроинтерфейс, который позволял не просто слышать голоса, но чувствовать их так, как чувствовали говорившие в момент записи. Она закрыла глаза и дала команду на воспроизведение.

Первым заговорил мужчина. Голос был хриплым, с акцентом, который Анна не могла определить – такие акценты исчезли лет тридцать назад, когда мир стал слишком тесен для диалектов.

– Меня зовут Хасан, я из города, которого больше нет. Не спрашивайте название, вы всё равно не найдёте его на карте. Когда вода поднялась в первый раз, мы думали – временно. Построили дамбы, насыпи, молились всем богам сразу. На второй год стало ясно, что боги либо умерли, либо ушли на другую планету. Мы держались десять лет. Десять лет, понимаете? А потом пришли люди из столицы и сказали: город будет затоплен, это нужно для спасения миллионов других. И мы ушли. Я нёс свою мать на плечах три дня, потому что она отказывалась идти, говорила, что лучше умрёт в своей постели. Она умерла на четвёртый день, на чужой земле, под чужим небом. Я похоронил её там, где никогда не смогу найти эту могилу. И каждую ночь мне снится вода. Тёплая, спокойная, зелёная вода, которая покрывает мой дом, мою улицу, моё детство. Я не знаю, зачем я это рассказываю. Наверное, чтобы кто-то знал: мы были. Мы любили, боялись, надеялись. И нас смыло.

Анна почувствовала, как по щекам текут слёзы. Она не плакала много лет, с тех пор как научилась отделять себя от истории, смотреть на прошлое как на объект изучения. Но этот голос не был прошлым. Он звучал здесь и сейчас, в её голове, в её сердце, и боль Хасана становилась её болью.

Следующий голос принадлежал женщине. Молодой, судя по интонациям, хотя возраст в таких записях определить трудно – горе старит всех одинаково.

– Моего сына звали Артём. Ему было шесть лет, когда началась эпидемия. Не спрашивайте какая, их было слишком много в тот год. Врачи сказали, что шанс есть, если сделать генную модификацию, но это стоило столько, сколько я зарабатывала за пять лет. Я работала на трёх работах, спала по два часа, продала всё, что можно было продать. Собрала. Пришла в клинику, а мне говорят – очередь на полгода. Полгода, когда у ребёнка температура сорок и лёгкие отказывают каждый день. Я стояла на коленях перед этими людьми в белых халатах, целовала им руки, обещала работать на них всю жизнь. Один посмотрел на меня и сказал: "Понимаете, у нас приоритеты. Дети, которые могут принести пользу обществу в будущем, идут первыми. Ваш сын... ну, тесты показывают средние способности. Извините". Он правда извинился. Сказал "извините" и ушёл. Артём умер через две недели. А я до сих пор просыпаюсь по ночам и слышу, как он зовёт меня. "Мама, мне страшно". Я здесь, сынок. Я всегда здесь.

Анна сняла нейроинтерфейс. Дышать стало трудно, воздух в бункере казался слишком плотным, слишком тяжёлым. Она выбежала в коридор, прислонилась к холодной бетонной стене, пытаясь успокоить сердце. Прошло несколько минут, прежде чем она смогла вернуться.

Она слушала голоса ещё шесть часов. Рыбаки, потерявшие море, потому что море съело их деревни. Фермеры, чьи поля превратились в пустыни за один сезон. Учёные, чьи открытия были использованы для создания оружия. Врачи, которым приходилось выбирать, кого спасать, потому что ресурсов хватало только на каждого десятого. Дети, родившиеся в подземных городах и никогда не видевшие настоящего солнца.

Под конец дня, когда Анна уже почти ничего не соображала от усталости и горя, заговорил ещё один голос. Старушечий, дребезжащий, с паузами, в которых слышно было, как она ловит воздух пересохшим ртом.

– Я помню время, когда люди спорили о будущем. Сидели в кафе, пили кофе, читали книги и спорили, будет ли у человечества шанс. Смешно, правда? Как будто будущее – это то, о чём можно спорить, как о погоде на завтра. А оно уже было здесь. Оно дышало нам в спину, ждало своего часа. Мы просто не умели его видеть. Я дожила до ста трёх лет, и знаете, что я поняла? Мы всегда выбирали не то. Не потому что мы злые или глупые. Потому что мы боялись. Боялись потерять то, что имеем, и из-за этого теряли всё. Если бы можно было вернуться назад и сказать им всем что-то важное, я бы сказала: не бойтесь. Бойтесь только одного – что ваши дети будут жить в мире, где никто не помнит, как пахнет дождь. Настоящий дождь, после которого земля дышит. Я забыла этот запах. Я всё забыла. Кроме одного: мы могли всё изменить. В любой момент. До самого конца могли. Но не захотели.

Запись оборвалась. Анна сидела в темноте, слушая тишину, которая теперь казалась наполненной миллионами голосов, миллионами жизней, миллионами смертей. Она думала о том, что директор был прав – это не данные. Это рана, которая никогда не заживёт, потому что её нанесли сами себе.

Когда она поднялась на поверхность, был вечер. Город светился тысячами огней, и люди спешили по своим делам, не подозревая, что под их ногами, в бетонном бункере, хранятся души тех, кто уже не успел. Анна шла по улице и смотрела на прохожих совсем иначе. Теперь она видела в каждом из них потенциальный голос в будущем архиве. Потенциальную боль, потенциальную потерю, потенциальную надежду.

В парке, где когда-то росли настоящие деревья, а теперь стояли искусственные, очищающие воздух и вырабатывающие энергию, она увидела девочку. Лет семи, в смешной шапочке с заячьими ушами, она кружилась на месте, раскинув руки, и смеялась. Рядом стояла женщина, вероятно мать, и смотрела на ребёнка с такой любовью, что у Анны снова защипало глаза.

Она подошла ближе, сама не зная зачем. Женщина обернулась, настороженно, как все в этом городе, где незнакомцы редко подходят просто так.

– Извините, – сказала Анна. – Ваша дочь очень красивая.

Женщина расслабилась чуть-чуть, но не до конца.

– Спасибо.

– Можно спросить? Вы думаете о её будущем?

Вопрос повис в воздухе. Женщина посмотрела на девочку, которая всё кружилась, не обращая внимания на взрослых.

– Каждый день, – ответила она тихо. – Каждую ночь. Я молюсь, чтобы оно у неё было. Хотя я не верю в бога. Наверное, это просто привычка – молиться, когда страшно.

– А если бы вы могли выбрать для неё будущее? Любое, какое захотите. Что бы вы выбрали?

Женщина долго молчала, глядя на дочь. Потом сказала:

– Я бы выбрала, чтобы она не боялась. Чтобы она могла любить этот мир, каким бы он ни стал. Чтобы она не просыпалась по ночам от мысли, что завтра может не наступить. Это всё. Остальное приложится.

Девочка подбежала к матери, обняла её за ноги и задрала голову, разглядывая Анну любопытными глазами.

– Тётя, а вы кто?

– Я просто прохожая, – ответила Анна. – Увидела, как ты красиво кружишься, и захотела посмотреть поближе.

– А хотите, я научу вас? Это легко. Надо закрыть глаза и представить, что ты птица. И кружиться-кружиться, пока не взлетишь.

Анна улыбку впервые за много дней.

– В другой раз, хорошо? Сегодня мне нужно идти.

– Обещаете?

– Обещаю.

Она пошла дальше, чувствуя спиной взгляд женщины. На углу обернулась – девочка снова кружилась, а мать стояла рядом, охраняя её танец от всего мира. Анна достала коммуникатор и отправила сообщение директору:

"Мне нужна команда. Не аналитики. Живые люди. Те, кто ещё умеет кружиться с закрытыми глазами и верить, что можно взлететь".

Ответ пришёл через минуту:

"Будет сделано. Завтра в девять. И Анна... добро пожаловать обратно".

Она не сразу поняла, что он имел в виду, а поняв, удивилась. Неужели всё это время, все эти годы работы в архивах, раскопках, библиотеках, она была не здесь? Неужели только сейчас, услышав голоса мёртвых и увидев живых, она действительно вернулась?

Ночью ей снова приснился океан. Но теперь на пирсе стояла девочка в шапочке с заячьими ушами. Она смотрела на воду и не боялась. А вода была тёплой и спокойной, и в ней отражались звёзды, настоящие звёзды, не спутники. Анна подошла к девочке, взяла её за руку, и они вместе смотрели в бесконечность, которая не требовала ответов, а просто была. И этого было достаточно.

Глава 3. Команда на краю

Утром Анна пришла в Центр за час до назначенного времени. Она хотела просмотреть досье кандидатов, которых отобрал для неё директор, но едва открыла первый файл, как поняла, что читать придётся между строк. Официальные биографии были безупречны: лучшие университеты, блестящие рекомендации, публикации в ведущих журналах. Но Анну интересовало другое. Она искала тех, кто хоть раз ошибался, сомневался, выбирал не ту дорогу и возвращался обратно.

Первым в комнату для совещаний вошёл высокий мужчина с неровным шрамом через всю левую щёку. Такие шрамы теперь редкость – медицина умела убирать любые следы на коже за несколько часов. Значит, подумала Анна, он оставил его намеренно.

– Лев Соколов, – представился он, не протягивая руки. – Инженер по образованию, строитель по призванию, разрушитель по необходимости. Ваш директор сказал, что вы собираете команду для спасения мира. Звучит пафосно, но я согласился, потому что мне надоело строить города, которые завтра уйдут под воду.

Анна кивнула, жестом приглашая его сесть. Она уже читала его досье. Лев проектировал защитные сооружения для прибрежных мегаполисов, пока в один день не отказался от всех проектов и не уехал в добровольную ссылку в пустыню, где помогал местным племенам восстанавливать древние системы орошения. Официальная версия гласила "профессиональное выгорание". Анна подозревала нечто иное.

Второй была женщина, которую Анна узнала сразу, хотя никогда не встречала лично. Елена Вэй, генетик, лауреат всех мыслимых премий, человек, который мог бы стать бессмертным, если бы захотела – технологии позволяли. Вместо этого она жила в коммуне на севере, где растила детей, рождённых от разных отцов, и отказывалась от любых контрактов с корпорациями.

– Я здесь, потому что мне сказали, что вы историк, – произнесла Елена вместо приветствия. – Историки обычно смотрят назад. А нам нужно смотреть вперёд. Интересно, что из этого получится.

– Я смотрю назад, чтобы не наступать на те же грабли, – ответила Анна. – Хотя, судя по архивам, человечество наступало на них с завидным упорством.

Елена улыбнулась, и улыбка эта изменила её лицо – из надменного оно стало почти детским.

– Тогда нам по пути.

Третий кандидат опоздал на двадцать минут. Когда он вошёл, запыхавшийся, с рюкзаком за плечами, из которого торчали какие-то трубки и провода, Анна сначала приняла его за курьера. Но это был Михаил Сунь, нейрофизиолог, создатель интерфейсов прямого взаимодействия мозга с сетью, человек, который, по слухам, умел читать мысли на расстоянии.

– Простите, – выдохнул он, сбрасывая рюкзак на пол. – Эксперимент затянулся. Я пытался понять, можно ли передавать эмоции напрямую, без слов. Пока получается только страх и радость. Любовь не поддаётся, слишком сложная структура.

– И что вы выяснили? – спросила Анна, заинтригованная помимо воли.

– Что люди предпочитают бояться вместе, а радоваться поодиночке. Эволюция, ничего личного. Страх – сигнал опасности, его нужно транслировать немедленно, чтобы спасти племя. Радость – личное достижение, ею делятся только с самыми близкими. Мы пытаемся перепрограммировать то, что создавалось миллионы лет. Это всё равно что учить рыбу летать.

Анна посмотрела на троих незнакомцев, собранных в одной комнате, и подумала, что директор либо гений, либо безумец. Соколов, строитель, разочаровавшийся в строительстве. Вэй, генетик, отказавшаяся от генетического бессмертия. Сунь, нейрофизиолог, пытающийся понять то, что объяснить невозможно. И она, историк, ищущая в прошлом ответы на вопросы, которые ещё не заданы.

– У нас есть шесть месяцев, – начала Анна без предисловий. – Шесть месяцев, чтобы предложить миру сценарий будущего, который не приведёт к катастрофе. Директор считает, что мы находимся в точке невозврата. Через десять лет любые изменения станут невозможны, система зафиксирована в одном из трёх состояний: тотальный контроль и слияние человека с машиной, распад и деграция, или космическая экспансия для избранных.

– А четвёртый вариант? – спросил Лев.

– Четвёртый вариант – это то, что мы должны придумать. То, что не просчитали алгоритмы. То, что невозможно предсказать, потому что это будет создано здесь и сейчас, нашими руками.

Елена хмыкнула.

– Звучит как миссия для сумасшедших. Алгоритмы просчитывают всё. Они знают о нас больше, чем мы сами. Если они не видят четвёртого варианта, значит, его не существует.

– Алгоритмы не знают одного, – возразил Михаил. – Они не знают, что такое любить настолько сильно, чтобы умереть за другого. Или ненавидеть настолько, чтобы убить себя вместе с врагом. Или надеяться, когда надежды нет. Эмоции – это хаос. Алгоритмы ненавидят хаос.

– Вот именно, – кивнула Анна. – Мы будем работать с хаосом. С тем, что не поддаётся вычислению. С памятью, с болью, с надеждой. С голосами тех, кого уже нет, и тех, кто ещё не родился.

Она рассказала им об Архиве живых голосов. О Хасане, потерявшем город, о женщине, похоронившей сына, о старухе, забывшей запах дождя. О девочке в парке, которая кружилась с закрытыми глазами и верила, что может взлететь.

– Эти голоса – не просто истории, – сказала Анна. – Это карта. Карта наших ошибок. И, возможно, ключ к тому, чтобы их не повторять.

– И что мы будем делать? – спросил Лев. – Сидеть и слушать, пока не заплачем?

– Сначала – да. Потом – искать тех, кто ещё не сломался. Тех, кто нашёл способ жить в этом мире, не теряя человечности. Тех, кто создаёт будущее каждый день, не дожидаясь указаний сверху.

Михаил поднял руку, как школьник.

– А можно я сразу к делу? У меня есть идея. Если эмоции можно передавать напрямую, минуя слова, может быть, мы сможем создать что-то вроде коллективного опыта? Чтобы каждый, кто подключится, почувствовал то же, что чувствуют эти люди? Не просто услышал историю, а прожил её?

– Это опасно, – нахмурилась Елена. – Чужая боль может разрушить психику. Особенно если человек не готов.

– А кто готов? – возразил Михаил. – Мы никогда не готовы к боли. Она приходит всегда не вовремя. Но если мы не научимся чувствовать чужую боль как свою, мы никогда не перестанем её причинять.

В комнате повисла тишина. Анна смотрела на этих троих – инженера со шрамом, генетика с уставшими глазами, нейрофизиолога с рюкзаком, полным чудес, – и понимала, что именно здесь, в этом случайном сборище людей, рождается то самое будущее, которое не смогли просчитать алгоритмы.

– Хорошо, – сказала она. – Михаил, работайте над интерфейсом. Лев, мне нужны контакты людей, которые строят нестандартное – экопоселения, автономные системы, всё, что существует вне официальных структур. Елена, вы поедете со мной.

– Куда? – спросила Елена.

– В Антарктиду. Там есть человек, с которым я должна поговорить. И там хранится то, что может стать либо нашим спасением, либо окончательным приговором.

Она не сказала им, что этот человек – Марк. Что она не видела его почти год, и что последний разговор закончился молчанием, которое длилось дольше, чем любой крик. Не сказала, что боится этой встречи больше, чем всех голосов в архиве вместе взятых. Не сказала, потому что команда должна верить в своего лидера, а лидер не имеет права на страх.

Они разошлись, чтобы собраться через три дня. Анна осталась одна в комнате, глядя на карту мира, проецируемую на стену. Антарктида светилась белым пятном на юге – самое пустое, самое холодное, самое загадочное место на планете. Там, под километровым слоем льда, хранился генетический банк всего живого. Там, в исследовательском комплексе, Марк пытался сохранить то, что человечество уничтожало каждый день.

Она коснулась пальцем точки на карте, и изображение приблизилось, показывая станцию – крошечный оазис света среди бесконечной белой пустыни. Через три дня она будет там. Через три дня она посмотрит в глаза человеку, которого любила больше всего на свете, и попытается понять, есть ли у них общее будущее. Или будущее вообще не про них, а про тех, кто придёт после.

В парке, мимо которого она проходила вечером, девочка в заячьей шапке снова кружилась. Теперь она была не одна – рядом бегали другие дети, смеялись, падали, вставали и снова кружились. Анна остановилась на минуту, наблюдая за этим хороводом жизни, таким простым и таким невозможным в мире, где будущее стало предметом торгов и вычислений.

Мать девочки узнала её, помахала рукой. Анна помахала в ответ и пошла дальше, унося в себе этот образ – дети, кружащиеся под искусственным небом, не знающие, что настоящего

неба они, возможно, никогда не увидят. Но кружащиеся всё равно. Потому что кружиться – это единственное, что имеет смысл, когда тебе семь лет и весь мир – это бесконечный танец.

Ночью она не спала. Собирала вещи, хотя собирать было почти нечего – в Антарктиде выдавали всё необходимое, личное разрешалось только самое малое. Она взяла фотографию, где они с Марком стояли на краю пустыни, смеясь в объектив, ещё не зная, что пустыня эта станет символом их отношений – красивой, бескрайней и безжизненной. Взяла старую книгу, которую он подарил когда-то, со стёршейся обложкой и пожелтевшими страницами. Книгу о прошлом, которое никогда не кончается, потому что будущее боится заглянуть ему в глаза.

За окном город гудел, жил, дышал. Где-то в подземном бункере Михаил уже настраивал свои интерфейсы, пытаясь превратить человеческую боль в электрические сигналы, понятные любому мозгу. Где-то Лев обзванивал своих странных знакомых, живущих вне системы, собирая контакты для будущих экспедиций. А где-то в Антарктиде, за тысячи километров отсюда, Марк, наверное, тоже не спал, глядя на бесконечную белую мглу за окном и думая о том, что будет, когда они снова увидят друг друга.

Анна закрыла глаза и попыталась представить себе будущее. Не то, которое просчитали алгоритмы, а то, которое они создадут сами. Она увидела город, где вертикальные фермы соседствуют с настоящими лесами, где дети играют под открытым небом, где старики помнят запах дождя и учат этому внуков. Увидела море, отступившее от берегов, потому что люди научились жить, не убивая планету. Увидела лица – миллионы лиц, не боящихся завтрашнего дня.

А потом открыла глаза и посмотрела на реальный город за окном. До этого будущего было далеко. Бесконечно далеко. Но где-то там, в Антарктиде, ждал человек, который когда-то сказал ей: "Мы не обязаны успевать всё при жизни. Мы обязаны только начать. Остальные продолжат".

Она встала, подошла к окну и прошептала в темноту:

– Я иду, Марк. Я иду начинать. А ты готов продолжать?

Город молчал, но Анне показалось, что где-то далеко-далеко, за океанами и льдами, кто-то ответил. Не словами – просто светом, загоревшимся на мгновение на горизонте. Или это была звезда? Или спутник? Она не стала проверять. Иногда важнее верить, чем знать. Особенно когда идёшь на край света, чтобы начать всё сначала.

Глава 4. Белая тишина

Самолёт шёл над океаном уже седьмой час. Анна смотрела в иллюминатор на бескрайнюю синеву, изредка прерываемую облаками, и думала о том, что вода занимает слишком много места на этой планете. Три четверти поверхности – океаны, моря, ледники. Люди жмутся на оставшейся четверти, ссорятся за каждый клочок суши, а вокруг – пустота, холодная, солёная, бесконечная.

Елена сидела напротив, уткнувшись в планшет. Она изучала генетические карты, доступные для Антарктической станции, и время от времени что-то помечала, хмурия лоб.

– Вы знали, – вдруг спросила она, не поднимая глаз, – что в банке хранятся не только образцы флоры и фауны? Там есть и человеческий материал. Добровольные доноры, согласившиеся передать свой генетический код в вечное хранение.

– Знала, – ответила Анна. – Марк рассказывал.

– И как вы к этому относитесь? К тому, что где-то подо льдом лежит ваша возможная копия?

Анна задумалась. Она никогда не задавала себе этого вопроса. Марк работал с генетическим материалом, это была его жизнь, его миссия. Но мысль о том, что её собственные гены, её уникальная комбинация ДНК, хранятся в морозильнике посреди ледяной пустыни, вызывала странное чувство. Не страх, не гордость – скорее недоумение.

– Это не копия, – сказала она наконец. – Это просто информация. Код. Без контекста, без памяти, без опыта. Можно знать все ноты симфонии, но не услышать её ни разу.

Елена подняла глаза и внимательно посмотрела на Анну.

– Вы правы, конечно. Но знаете, что говорят мои коллеги? Что через сто лет люди будут смотреть на нас так же, как мы смотрим на неандертальцев. Если вообще будут смотреть. Если вообще будут люди.

– Будут, – ответила Анна твёрже, чем чувствовала. – Всегда будут. Вопрос только – какие.

Самолёт начал снижение. В иллюминаторе показалась белая кромка ледника, уходящая за горизонт. Антарктида встречала их своей вечной тишиной, своим безмолвием, которое казалось абсолютным даже сквозь шум двигателей.

Посадка была жёсткой – лёд не прощает ошибок. Когда шасси коснулись полосы, Анну на мгновение бросило вперёд, и она вспомнила, как много лет назад точно так же вздрагивала при посадке, возвращаясь из экспедиций, и Марк всегда сжимал её руку, шепча: "Всё хорошо, мы дома". Теперь дома не было. Был только лёд и человек, которого она не знала, увидит ли прежним.

Их встретил сотрудник станции – молодой парень в полярной куртке, с обветренным лицом и глазами, которые смотрели куда-то внутрь, а не наружу. Такие глаза бывают у людей, слишком долго проживших в изоляции.

– Доктор Вэй? – спросил он, протягивая руку Елене. – Меня зовут Алексей. Начальник станции просил проводить вас в лабораторию сразу после размещения. А вы, – он повернулся к Анне, – вы, наверное, к Марку?

– Да, – сказала Анна, чувствуя, как сердце пропускает удар. – Где он?

– В жилом модуле, сектор Б. Но предупреждаю... – Алексей запнулся, подбирая слова. – Он не очень разговорчив в последнее время. Работает по двадцать часов, почти не спит. Мы начали беспокоиться.

– Я поговорю с ним.

Алексей кивнул, но в его глазах Анна прочла сомнение. Он не верил, что разговор поможет. И, возможно, был прав.

Жилой модуль оказался лабиринтом одинаковых коридоров, одинаковых дверей, одинаковых ламп, дающих ровный белый свет, от которого болели глаза. Анна шла за Алексеем, считая повороты, чтобы запомнить дорогу обратно. Номер 147, сектор Б, уровень 3. Она постукала. Тишина. Ещё раз. И ещё.

Дверь открылась рывком, и Анна увидела Марка. Он похудел, оброс щетиной, под глазами залегли тени, которых раньше не было. Но глаза – глаза остались теми же. Тёплыми, внимательными, чуть насмешливыми. Они смотрели на неё, и в них было столько всего, что Анна забыла все слова, которые готовила в дороге.

– Заходи, – сказал он просто. – Холодно.

Она вошла. Комната была маленькой, как все комнаты на станции, но уютной – книги на полках, фотографии на стенах, старая гитара в углу. Марк всегда умел делать любое пространство домом. Даже здесь, во льдах, он создал островок жизни.

– Ты не ответил ни на одно моё сообщение, – сказала Анна, когда дверь закрылась. – Полгода. Ни одного слова.

Марк сел на кровать, жестом приглашая её занять единственный стул.

– Я не знал, что говорить. Ты предлагала поговорить, но о чём? О детях, которых мы не заведём, потому что мир катится в пропасть? О будущем, которого нет? О любви, которая не спасает от радиации и голода?

– О нас, – тихо сказала Анна. – Хотя бы о нас.

Марк провёл рукой по лицу, словно пытаясь стереть усталость.

– А мы ещё есть? Я не уверен. Иногда мне кажется, что мы – это просто привычка. Долгая, тёплая, удобная привычка. Но привычки не спасают, когда всё рушится.

– Ты правда так думаешь?

Он посмотрел на неё долгим взглядом, и Анна увидела в нём то, чего не замечала раньше – боль. Не абстрактную боль за человечество, а личную, острую, живую.

– Нет, – сказал он наконец. – Не думаю. Но я не знаю, как быть дальше. Я смотрю на эти льды, на этот банк, на миллионы образцов жизни, которые мы пытаемся сохранить, и думаю: зачем? Для кого? Если человек уничтожит себя, кому нужны будут семена растений и клетки

животных? Новому виду, который придёт нам на смену? Или мы просто тешим себя иллюзией, что спасаем мир, а на самом деле спасаем только свою совесть?

Анна встала, подошла к нему, села рядом на кровать. Взяла его руку в свои – холодную, сухую, с обломанными ногтями.

– Затем, – сказала она, – что пока есть хоть один человек, верящий в будущее, будущее существует. Я слушала архив. Голоса мёртвых. Они все хотели одного – чтобы их помнили. Чтобы их жизнь что-то значила. Мы не можем вернуть им жизнь. Но мы можем сделать так, чтобы их смерть не была напрасной.

Марк молчал, глядя на их переплетённые пальцы. Потом спросил:

– Что тебе нужно от меня, Анна? Ты приехала не просто так. Что случилось?

Она рассказала. О миссии, о команде, о четвёртом сценарии, который нужно найти. О голосах в архиве, о девочке в парке, о директоре, который верит в невозможное. О том, что времени осталось мало, а ответов нет.

– Мне нужен твой ум, Марк. Твой взгляд. Ты видишь то, чего не вижу я. Ты всегда видел.

– И что я должен увидеть сейчас?

– Дорогу. Туда, где ещё не ступала нога алгоритмов. Где люди остаются людьми, не превращаясь ни в машины, ни в зверей. Где будущее возможно.

Марк высвободил руку, встал, подошёл к иллюминатору. За ним была бесконечная белая пустыня, и в этой белизне тонули все мысли, все надежды, все страхи.

– Знаешь, – сказал он не оборачиваясь, – я часто смотрю на этот лёд и думаю: под ним скрыт целый мир. Озёра, реки, горы – всё, что было миллионы лет назад. И если лёд растает, этот мир вернётся. Но мы не доживём. Мы никогда не увидим, что там. Так и с будущим. Мы никогда не узнаем, каким оно будет. Мы можем только предполагать, надеяться, бояться. А оно придёт и скажет: "Здравствуйте, я именно такое, какое вы заслужили".

Анна подошла к нему, встала рядом, тоже глядя на ледяную пустоту.

– Тогда давай заслужим другое.

Он повернулся к ней. Впервые за весь разговор в его глазах мелькнуло что-то похожее на улыбку.

– Ты всегда была упрямой. Помнишь, как мы спорили в пустыне, есть ли жизнь на других планетах? Ты говорила, что мы никогда не узнаем, потому что не долетим. А я говорил, что не обязательно долетать самому, достаточно запустить процесс.

– Помню. Ты ещё сказал, что главное – бросить семя. Остальное сделает время.

– Я всё ещё так думаю. – Марк взял её за плечи, развернул к себе. – Хорошо. Я с вами. Но на моих условиях.

– Каких?

– Мы не будем ничего придумывать. Мы поедим и посмотрим. Туда, где люди уже живут иначе. Не потому что им приказали, а потому что они так выбрали. Их много. Они разбросаны по всему миру. Официальная наука считает их чужаками, маргиналами, неудачниками. Но может быть, именно в этих чужаках – наш четвёртый сценарий.

Анна улыбнулась – впервые за много дней.

– У меня уже есть такой человек в команде. Инженер, который бросил всё и уехал в пустыню восстанавливать древние системы орошения.

– Лев? – удивился Марк. – Лев Соколов? Мы знакомы. Работали вместе десять лет назад, пока он не сошёл с ума и не уехал к бедуинам.

– Он не сошёл с ума. Он искал.

– Вот именно. Искал. Как и мы все. Значит, команда у тебя та ещё. Инженер-отшельник, генетик-анархистка, нейрофизиолог, который читает эмоции, и историк, верящий в голоса мёртвых. Насмешка судьбы? Или последняя надежда?

– А ты кто в этой компании? – спросила Анна.

Марк посмотрел на неё, и в его глазах снова появилась та теплота, которую она помнила всё это время, даже когда думала, что потеряла навсегда.

– Я? Я человек, который хранит прошлое, чтобы у будущего был шанс. И который любит женщину, способную проехать полмира, чтобы сказать ему, что всё не зря.

Они стояли в маленькой комнате посреди ледяной пустыни, и за иллюминатором была белая тишина, и в этой тишине рождалось что-то новое. Не сценарий, не план, не стратегия. Просто решение быть вместе. Что бы ни случилось дальше.

Утром Анна проснулась от того, что кто-то громко спорил за стеной. Голос Елены, резкий, нетерпеливый, и другой, мужской, спокойный, размеренный. Она накинула куртку и вышла в коридор.

В лаборатории, залитой холодным белым светом, Елена и Марк стояли у огромного голографического экрана, на котором проецировалась карта мира. Красные точки, зелёные, синие – целая россыпь огней, пульсирующих в такт каким-то неведомым ритмам.

– Это невозможно, – говорила Елена. – Вы не можете выпустить это наружу. Генетический материал – не игрушка. Если он попадёт не в те руки...

– А что такое "не те руки"? – перебил Марк. – Руки корпораций, которые хотят патентовать жизнь? Руки правительств, которые решают, кому жить, а кому умереть? Мы храним это здесь пятьдесят лет, и за пятьдесят лет ни разу не использовали по назначению. Мы музей, Елена. Самый дорогой музей в истории человечества. А должны быть садом.

– Садом?

– Да. Садом, где каждый может взять росток и посадить у себя. Где жизнь не лежит мёртвым грузом, а продолжается, множится, растёт. Мы заперли будущее в холодильник. Пора его выпустить.

Анна вошла в лабораторию, и они обернулись.

– Что происходит? – спросила она.

– Твой друг, – Елена махнула рукой в сторону Марка, – предлагает открыть генетический банк для всех. Любой человек сможет получить образцы и использовать по своему усмотрению. Без контроля, без лицензий, без разрешений.

– А если кто-то создаст оружие? – спросила Анна. – Биологическое оружие на основе этих образцов?

– Если кто-то захочет создать оружие, – ответил Марк, – он создаст его и без нашего банка. Знания нельзя запретить. А жизнь – тем более. Я не предлагаю раздавать образцы всем

поряд. Я предлагаю создать сеть. Сообщества, которые будут ответственны за то, что получают. Не корпорации, не государства, а люди. Обычные люди, которые хотят жить в мире с планетой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.